

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.2

И.В. Ковтун

Институт экологии человека СО РАН
пр. Ленинградский, 10, Кемерово, 650065, Россия
E-mail: ivkovtun@mail.ru

ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИЗОБРАЖЕНИЯ МЕДВЕДЕЙ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ СКУЛЬПТУРНОЙ МИНИАТЮРЕ И МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ II ТЫС. ДО Н.Э.

Статья освещает особенности изобразительного воплощения и семантику образа медведя, представленного в скульптурной миниатюре и металлопластике западно-сибирских культур первой половины II тыс. до н.э. Прослеживается связь формообразующих особенностей медвежьих изображений с различными культурными традициями эпохи бронзы Западной Сибири. Выделены четыре группы находок, запечатлевших образ медведя: жезлы, подвески, головы-«емкости» и головы. Ключевые положения работы связаны с выявлением контекста подвесок в виде фигурки медведя эпохи развитой бронзы, включенных в композиции-мизансцены, и с рассмотрением гипотезы о ритуально-обрядовой сопряженности образа медведя и бронзолитейных культов. С учетом новых археологических материалов существенно расширен ареал одной из самых загадочных западно-сибирских культур – самусьской, носители которой оставили и изображения медведей, и систему сложных идеографических знаков на керамике. Высказывается предположение о наличии самусьских наскальных рисунков на восточных склонах Кузнецкого Алатау, в районе обнаружения самусьского погребения.

Введение

В 2007 г. в с. Утинка Тисульского р-на Кемеровской обл. на берегу одноименного озера сотрудники лаборатории Института экологии человека СО РАН исследовали разрушенное самусьское погребение. В числе находок, которые были получены от местных жителей, обнаруживших захоронение в 2004 г., значатся миниатюрные каменные скульптурки птицы и медведя с отверстием для подвешивания, а также пять бусин, составлявших единое наборное ожерелье [Бобров, Герман, 2007, с. 178–179, рис. 1; с. 180, рис. 2, 6–10]. Индикатором культурной принадлежности комплекса является керамика с орнаментом, аналогичным декору на т.н. культовых (термин М.Ф. Косарева) сосудах с памятника Самусь IV [Там же, с. 179–181, рис. 2, 1–5]. В.И. Матющенко относил сосуды с таким орнаментом к третьему и четвертому типам самусь-

ской керамики, известной только на Самусе IV [1973, с. 31–33], а М.Ф. Косарев выделил их во вторую группу керамики этого памятника [1981, с. 97–99]. В.И. Молодин и И.Г. Глушков объединили подобную посуду в самусьский керамический комплекс – группу В, не имеющую «корней в предшествующих западно-сибирских культурах» [1989, с. 100–101]. Особое место такой керамике отводит и Ю.Н. Есин [2004].

Наличие у утинкинской керамики самусьских признаков особенно важно для определения восточной границы самусьской культуры. В.И. Молодин и И.Г. Глушков упоминают о фрагментах окуневского сосуда, украшенного по венчику рядами оттисков ромбовидного штампа, которые были найдены Ю.Г. Белокобыльским на северо-западе Минусинской котловины. Они полагают, что такой орнаментальный сюжет «достаточно характерен для керамики самусьской культуры», и считают его отражением «возможных

контактов самусьцев и окуневцев, населявших северо-западную часть Минусинской котловины» [1989, с. 113]. Похожие предметы обнаружены и в Назаровской котловине, самой северной из среднеенисейских межгорных котловин. Как отмечают С.В. Красниенко и А.В. Субботин, «на поселениях Инголь и Ашпыл... встречались и фрагменты керамики с орнаментом, характерным для племен самусьской археологической культуры: с горизонтальной мелкой елочкой, с орнаментированным дном и придонной частью, со спиралевидным узором на дне» [2006, с. 237]. Но в обоих случаях речь идет не об оригинальных чертах, определявших «лицо» самусьской культуры, а об элементах, встречающихся и в синстадиальных комплексах. Поэтому указанные находки невозможно считать неоспоримыми свидетельствами освоения самусьцами северо-запада среднеенисейских котловин. Материалы же утинкинского захоронения не оставляют сомнений в пребывании самусьцев за северо-восточным рубежом Кузнецкой котловины.

Известна попытка выделить самусьский погребальный комплекс на территории Шарыповского р-на Красноярского края. Здесь к западу от д. Большое Озеро А.С. Вдовиным исследован могильник, который авторами монографии о петроглифах Каратага и горы Кедровой был отнесен к самусьской культуре [Семенов и др., 2000, с. 37]. Но по информации автора раскопок, ничего самусьского, особенно в керамике, в материалах данного могильника нет. Отдельные находки с этого памятника демонстрируют черты, скорее близкие кротовскому культурному субстрату (устная информация А.С. Вдовина).

Самусьские захоронения вообще большая редкость. В.И. Матющенко выделяет в составе Еловского II могильника три погребения, «которые восходят к самусьскому горизонту» [2002, с. 105]. О принадлежности к самусьской культуре доандроновских захоронений на могильнике Заречное-1 и полуразрушенной могилы на памятнике Иня-4 сообщает В.А. Зах. Но он не подкрепляет свои определения безынвентарных комплексов убедительными доказательствами. Более того, исследователь утверждает: «Аналогии подобным захоронениям находят прежде всего в могильниках кротовской культуры...» [1997, с. 31–32]. Таким образом, перечисленные захоронения нельзя безоговорочно причислить к собственно самусьским. Что касается шести погребений на грунтовом могильнике Крохалевка-7А, то в них обнаружена бесспорно самусьская керамика, относящаяся, по классификации В.И. Молодина и И.Г. Глушкова, к группе Б из Самуся IV [Титова, Сумин, 2002]. Наряду с культовой посудой группы В керамика группы Б представляется надежным индикатором самусьской культуры. Следовательно, утинкинское захоронение является еще одним погребальным памятником собственно самусь-

ской культуры. С учетом его удаленности от культурного центра, локализованного в Нижнем Притомье и Верхнем Приобье, границы ареала самусьской культуры существенно расширяются на восток: от низовий р. Томи до бассейна р. Кии, левого притока р. Чулым. Предположения о самусьско-окуневских контактах подтверждаются данными о существовании за пределами Кузнецкой котловины самусьского очага, генерировавшего такое межкультурное взаимодействие. Таким образом, захоронение в Утинке обозначает восточный рубеж зоны распространения собственно самусьских древностей; оно представляет удаленную от центра самусьскую культурную периферию в Ачинско-Мариинской лесостепи. Восточнее простирается территория, отмеченная упоминавшимися межкультурными контактами. Здесь на северо-западе среднеенисейских котловин исследователями фиксируется, вероятно, некий самусоидный компонент в составе инокультурных комплексов, но собственно самусьских памятников нет. Ареал «чистых» самусьских и «субстратных» (с самусьскими элементами) комплексов (Ашпыл, Инголь) укладывается в границы Кузнецко-Салаирской горной области и прилегающих к ее северо-западной оконечности районов Новосибирского Приобья. Это исторически объяснимо и обусловлено тем, что самусьские группы находились в инокультурном окружении: на севере располагалась зона таежных, в т.ч. печатно-гребенчатой (степановской) и гребенчато-ямочных, культур, на юге – верхнеобский, или алтайский, культурный центр эпохи бронзы, на западе – ареал кротовской культуры, на востоке – среднеенисейский поликультурный очаг.

О культурных группах, сосуществовавших с самусьцами в этой части Ачинско-Мариинской лесостепи, известно пока немного. Окуневские вещи обнаружены здесь на поселениях Большой Берчикуль I и Тамбарское Водохранилище, а керамические комплексы третьяковского типа – на поселениях Шестаково Ia, Тамбарское Водохранилище и Третьяково II [Бобров, 1992, с. 11–12]. На последнем представлены, в частности, материалы погребения неустановленной культурной принадлежности, но по ряду признаков их можно отнести к синстадиальным утинкинским [Там же, с. 12; Бобров, 2003, с. 86–93]. По времени к ним близок орнаментированный поясом из треугольников и гирляндой ромбов бронзовый кельт сейминско-турбинского, а не самусьско-кижировского типа, найденный в 1960-х гг. на горе Арчекас на правом берегу р. Кии в 3 км. от г. Мариинска [Баухник, 1970, с. 49, 53, рис. 4, 1].

Изображения медведей

Особый интерес представляет найденное в утинкинском захоронении ожерелье из каменных скульптурок

медведя, птицы и пяти каменных бусин. Украшение состоит из семи элементов: пять из них типологически идентичные, два (изображения представителей животного мира) разнятся между собой. Причем и фигурки животных, и знаковые символы имеют параллели в сибирской этнографии. Так, образ ворона обыгрывался в обряде медвежьего праздника у эвенков. Нашедший берлогу охотник, возвратившись на стойбище, изображал ворона, а его соплеменники, подыгрывая ему, выражали готовность «клевать» найденную добычу. Вытащив убитого зверя из берлоги, охотники, повторяя движения слетевшихся к добыче воронов, криками созывали «сородичей» [Туров, 2000, с. 51]. Одна из сюжетных линий угорских мифов, воплощенная в «медвежьих песнях», – о том, как «медведь грабит дом Филина, и в результате охотники из рода Филина убивают медведя» [Люцидарская, 2000, с. 81]. Вероятно, неслучайно и количество бусин в утинкинском ожерелье. У обских угров с культом медведя и медвежьим праздником связано число «пять», символизирующее пять душ у мужчины – медведя, в отличие от четырех у женщины – медведицы [Кулемзин, 2000, с. 72].

Наличие фигурки медведя в утинкинском погребении послужило поводом для классификационного обобщения подобных изображений, найденных на юге Западной Сибири и предположительно относящихся к эпохе развитой бронзы, т.е. не позднее XVII–XV вв. до н.э. Более широкая территориально-хронологическая группировка медвежьих образов предлагалась ранее [Кириллова, 2006, с. 124–126; 2007, с. 25–27]; ее типологические принципы пересекаются с некоторыми критериями нашей классификации.

Итак, скульптурные изображения медведя, в т.ч. керамические и металлопластику, можно разделить на четыре группы. По формообразующим и функциональным признакам выделяются: А) жезлы (рис. 1), Б) подвески (рис. 2, 1–6)*, В) головы-«емкости» (рис. 3, 4)**, Г) головы (рис. 5). Не включены в этот ряд: жезлоподобная статуэтка из Самусьского могильника, относящаяся к более раннему, энеолитическому, времени [Кирюшин, 2004, с. 7–12] (рис. 6), и стилизованная многофигурная пластическая композиция, включающая голову медведя, из окуневского могильника Стрелка (рис. 7).

Изделия группы А отражают слияние двух традиций. Первая представлена северо- и центрально-азиатскими степными культурами сейминско-турбинского времени. С этим культурным субстратом связано про-

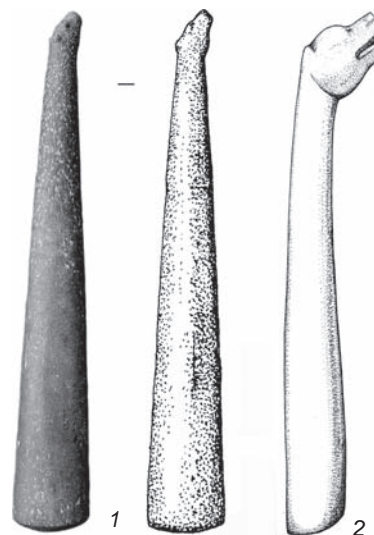

Рис. 1. Изображения медведей группы А.
1 – оз. Иткуль (по: [Ченченкова, 2004]); 2 – окрестности Братска (по: [Студзикая, 1987]).

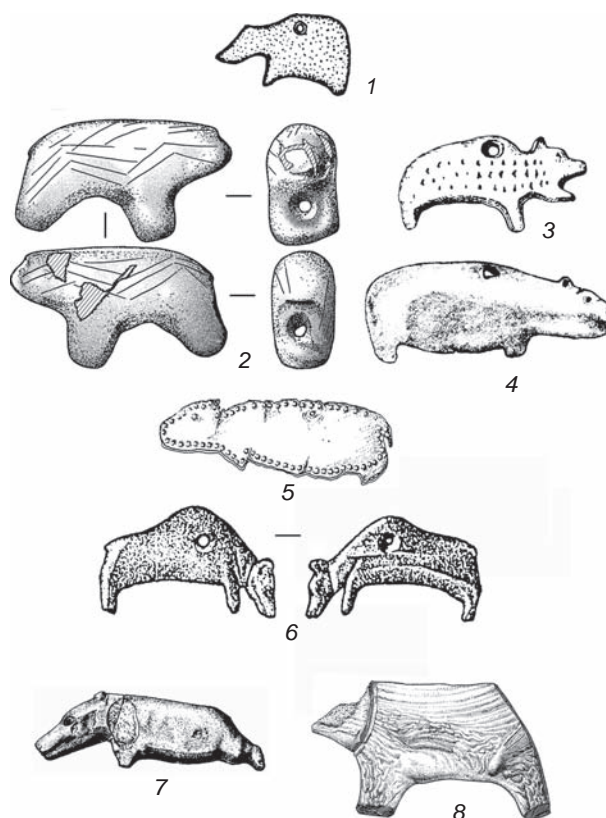

Рис. 2. Изображения медведей группы Б и медвежьи скульптурки эпох энеолита и поздней бронзы.
1 – Айдашинская пещера (по: [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980]); 2 – погребение у с. Утинка (по: [Бобров, Герман, 2007]); 3 – Карасук II (по: [Комарова, 1981]); 4 – Крохалевка-13 ([Троицкая, Дураков, Савин, 2001]); 5 – Крохалевка-1 (по: [Молодин, Глушков, 1989]); 6 – Сопка II (по: [Молодин, 1992], фото автора); 7 – Старое Мусульманское Кладбище (по: [Кирюшин, 2004]); 8 – Торгажак (по: [Савинов, 1996]).

*Автор благодарен академику В.И. Молодину и заведующей музейно-источниковедческим сектором ИАЭТ СО РАН И.В. Сальниковой за помощь в организации фотокопирования предметов изобразительного искусства.

**Автор признателен директору Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ Ю.И. Ожерелову за помощь в изучении коллекций.

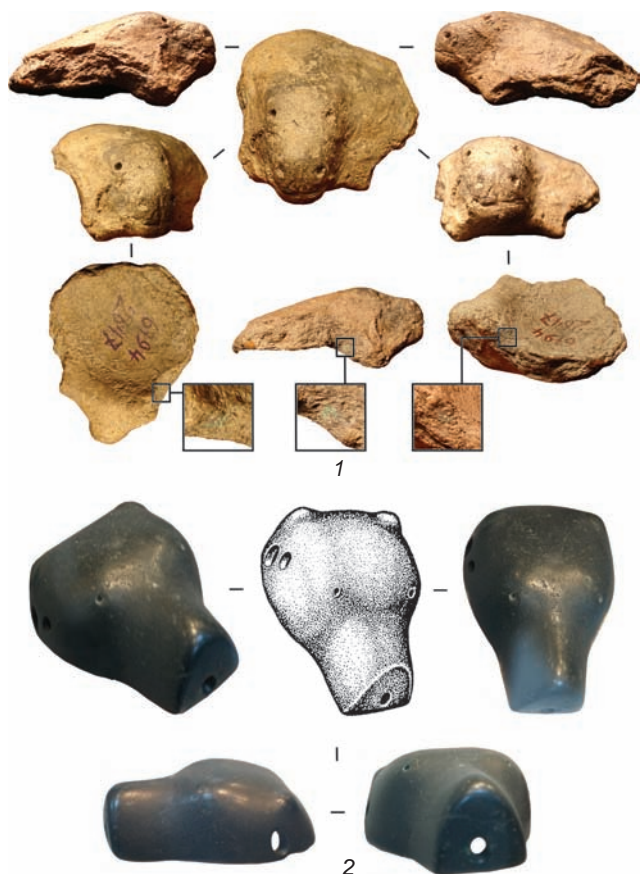

Рис. 3. Изображения медведей группы В – головы-«емкости».

1 – Самусь IV (фото автора); 2 – Усть-Куюм (по: [Молодин, 2006], фото автора).

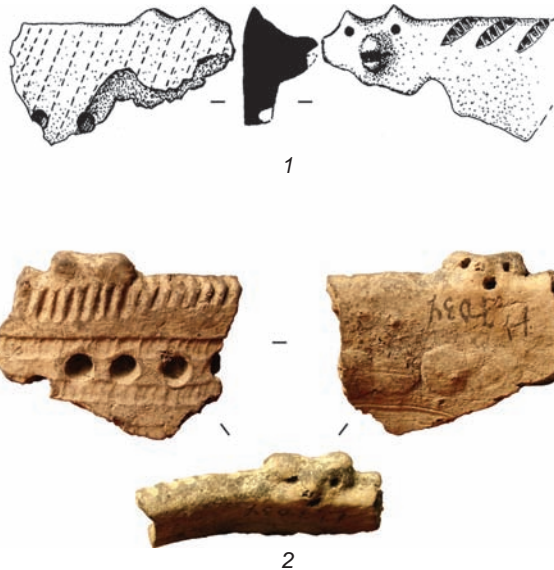

Рис. 4. Изображения медведей группы В на венчиках керамических сосудов.

1 – Игреково I (по: [Кирюшин, 2004]); 2 – Самусь IV (фото автора).

Рис. 5. Изображения медведей группы Г.

1 – Самусь IV (фото автора); 2 – Сопка II (по: [Молодин, 1992], фото автора).

Рис. 6. Скульптурка медведя.

Самусьский могильник (фото автора).

исхождение самой идеи статуарной миниатюры. Но запечатленный в ней образ медведя является одним из самых популярных в традиционных верованиях и культурах сибирских аборигенов. Следовательно, оба изделия группы А – уникальный продукт синтеза изобразительных и мировоззренческих стереотипов двух различных миров. Указанная особенность выделяет эти находки среди прочих западно-сибирских изображений медведя (мелкая пластика и/или миниатюрная скульптура) эпох энеолита – бронзы (см. рис. 2–7).

Наиболее органична группа Б. Изображения кротовских, самусьских и окуневских медведей выполнены из разных материалов: камня, бронзы и рога (см. рис. 2, 2–6). Все они имеют отверстие для подвешивания. Эта особенность указывает на неотделимость таких скульптурок от каких-то вещей или аксессуаров индивида, которые, в свою очередь, могли быть неотделимы от своего хозяина. Возможно, таким образом реализовывалась неочевидная функция изображений медведя – быть амулетом или персонифицированным символом их владельца. При этом проявлялся и характер культурной традиции, допускавшей отождествление владельца подвески в виде фигурки медведя с изображением сакрального персонажа. Черты хозяина тайги, образ которого сопровождал человека повсюду, проецировались на индивида. Правда, возможна и иная трактовка: не образ зверя «растворялся» в человеке, а живой человек «включался» в инобытие героя, воплощенного в скульптурке медведя. Присутствие в этой связке реального человека – вместилища жизненной силы – обусловлено необходимостью придания носимому им изображению медведя динамики и «одушевленности». Но не только это объединяет подвешиваемые изображения медведей из Карасука II, Утинки, Крохалевки-1, -13, и Сопки II. Подвешивание представляется стадияльно-общим способом обращения с подобными фигуративными миниатюрами. Но гораздо важнее то, куда и с чем подвешивались фигурки кротовских, самусьских и окуневских медведей. Утинкинская скульптурная миниатюра является элементом изобразительной системы; вероятно, такой же статус имели все прочие скульптурки группы Б. Образ медведя в наборном украшении из Утинки сочетается с образом птицы и пятью бусинами, которые также могли иметь символическое значение. Подобное предложение В.И. Молодин высказывал по поводу изображения медведя из Сопки II: «Скульптурка, которую носили на низке бус, была, очевидно, амулетом» [1992, с. 41]. Таким образом, подвешиваемые изображения медведей являлись частью более сложных композиций. Именно для этого они включались в наборные нательные украшения или прикреплялись на одежду и иные аксессуары, возможно, с апплицированными, вышитыми или фигуративными изображениями других персонажей и символов. Поэтому главное общее качество всех рас-

Рис. 7. Многофигурная композиция. Стрелка (по: [Савинов, 1981], фото автора).

сматриваемых миниатюр – «включенность» медвежьих образов в символическую композицию, истолкование которой предполагало повествовательность, фабулу сюжета и развертывание содержания действия. Это уже не просто стадияльный, а, по сути, стилистический признак, отличающий одну культурную традицию от другой. Сказанное иллюстрирует синхронная изображения группы Б композиция из окуневского могильника Стрелка. В ней запечатлены медведь, лось и стилизованные зооморфные существа (см. рис. 7). Возможно, к числу изделий группы Б относится и костяная подвеска в виде медведя из Айдашинской пещеры (см. рис. 2, 1). Она «в равной степени может датироваться и эпохой неолита, и бронзовым веком. В данном случае важно, что предмет служил частью шейного гарнитура или нашивался на одежду. Он был брошен в вертикальную пещеру, которая на протяжении столетий служила святилищем как у таежного, так и у степного населения» [Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000, с. 26].

Совсем иная конструктивная концепция у жезлов с головой медведя. Эти статуарные миниатюры олицетворяют более высокий уровень абстрагирования, принципиально иное мировосприятие, а следовательно, иную мировоззренческую и культурную традицию. Подобному типу изображений созвучна жезлоподобная статуэтка медведя из Самусьского могильника. В ней сфокусированы все основные содержательные и формообразующие признаки, присущие миниатюрной статуарной скульптуре, к которой относятся и каменные жезлы. Своеобразие подобных портативных изваяний определяют единичность персонажа, статичность образа и парциальность изображения. Конструкция и функции жезлов не позволяют предполагать, что запечатленным на них головам медведей сопутствовали иные образы. Поэтому «самодостаточность» персонажа «дополнялась» только личностью владельца изделия. Парциальность также отличает

жезлы от включенных в композицию полноразмерных кротовских, самусьских и окуневских подвесок.

Голова медведя получила воплощение в фигурах еще двух групп. Группа Г выделена условно (см. рис. 5). Группа В заслуживает особого внимания. Она включает изображения медвежьих голов, сопряженных с полыми и емкостными формами различного назначения (см. рис. 3, 4). Большая часть этих находок давно знакома специалистам, но единого мнения об их функции пока нет. Голова усть-куюмского медведя (см. рис. 3, 2) интерпретировалась Е.М. Берс как «полая скульптурка-лячка для разлижки металла в форме головы медведя». Исследовательница указывала: «Вещь сделана из диорита и заполирована до блеска. В центре лячки видны царапины от соскабливания металла, дно покрыто пятнами от сильного прокала, на конце морды и по бокам сквозные отверстия» [1974, с. 25]. П.М. Кожин и В.И. Молодин высказали предположение, что усть-куюмская голова-«емкость» являлась каменной поясной пряжкой [Кожин, 1987, с. 100; Молодин, 1994; 2006, с. 277]. Обе версии небезынтересны и обоснованны, при этом одна не исключает другую. В качестве лячки подобное художественное изделие могло использоваться только в ритуальных целях, т.е. сравнительно редко. Все остальное время этот предмет, связанный с культовыми таинствами бронзолитейного дела, возможно, служил пряжкой, которая символизировала прерогативы, особые статус и профессиональные навыки своего обладателя. Е.М. Берс предложила реконструкцию обрядовой ситуации с участием усть-куюмской находки. «В найденной лячке с головой медведя, — отмечала исследовательница, — мы имеем уникальную вещь, с помощью которой можно восстановить ритуал первых плавок меди. Дробленая руда или королек меди, вторично расплавленный в лячке, переливались через отверстие сбоку; и на медвежьем празднике наглядно показывалось, как с помощью духа медведя — тотема родоплеменных групп — из камня получается металл» [1974, с. 27–28]. Вероятно, это первое предположение о существовавшей в западно-сибирских культурах эпохи бронзы связи металлургических ритуалов с культом медведя. Имеются и другие предположения. Например, С.В. Студизкая

допускает использование усть-куюмского изделия в роли маски или маскетки [1987, с. 321].

Не исключено, что в обрядовых церемониях бронзолитейщиков использовалась и керамическая «ложка» с изображением головы медведя из Самуся IV (см. рис. 3, 1). На нижней боковой грани (сломе) этого изделия П.В. Герман обнаружил отчетливо различимый патинизированный участок. По мнению С.В. Кузьминых, этот зеленый окисел на сломе может являться следом от затека меди или бронзы в трещину в момент разрушения лячки при плавке. Исследователь не исключает, что на внутренней поверхности лячки ближе к краю есть следы слабой ошлакованности. Специалисты по-разному определяли назначение самусьской находки: крышка сосуда, керамическая ложка, фрагмент сосуда типа ковшика и т.д. Но как атрибут культовых действий бронзолитейщиков это изделие никогда не интерпретировалось. Кстати, в материалах Самуся IV имеется еще одна подобная «ложка», только вместо головы медведя у нее схематичная голова птицы [Матюшенко, 1973, рис. 13] (рис. 8). Именно фигурки медведя и птицы сочетаются в утинкинском ожерелье; изображения голов этих же персонажей украшают обе уникальные самусьские емкости. Думается, приведенные совпадения не случайны. Известны этнографические свидетельства участия орнитоморфного персонажа в медвежьем празднике. Ритуально-обрядовое пересечение образа медведя и представлений о металлообработке находит этнографические параллели. Так, в русском народном искусстве в одном из сюжетов, связанных медвежьей тематикой, противопоставляются образы медведя и кузнеца [Майничева, 2000, с. 91–93, рис. 4]. В мансийской «Медвежьей песне о младшей дочери кузнеца» медведь, связанный «медвежьей клятвой», убивает сначала невинного кузнеца, а затем и толкнувшую его на неоправданную жестокость дочь умерщвленного им человека [Люцидарская, 2000, с. 82]. Вероятно, и в этом сюжете профессиональный статус и родственные узы погибающих персонажей обусловлены не только воображением авторов песни.

Ю.И. Михайлов полагает, что «в представлениях сибирских народов медведь выступал покровителем кузнецов» [2001, с. 144], а «материалы самусьских поселений (Самусь IV, Крохалева-2) демонстрируют связь культа медведя с комплексом сакральных представлений в сфере металлургии и металлообработки» [Там же, с. 145]. Последнее предположение, к сожалению, оставлено исследователем без аргументации. Но в обоснование покровительствующей роли хозяина тайги приводится интересный пример отражения в археологических материалах из Преображенки III ритуальной практики обращения с медвежьими черепами. На этом поселении в двух хозяйственных ямах обнаружено шесть медвежьих черепов, на одном из них сохрани-

Рис. 8. Орнитоморфная скульптурка-«емкость». Самусь IV (фото автора).

лись следы бронзового окисла [Молодин, 1977, с. 51]. По мнению В.И. Молодина, «ямы были жертвенными» [Там же]. Поэтому контекстуально заслуживает внимания параллель между медвежьим черепом с бронзовым окислом из кротовского жертвенника, самусьской «ложкой»-лялячкой с изображением головы медведя и следами аналогичного окисла и усть-куюмской «пряжкой-лялячкой», использовавшейся предположительно в ритуалах алтайских бронзолитейщиков. Сейчас Усть-Куюмский могильник относят к каракольской культуре [Молодин, 2006, с. 277], хронологически близкой окуневским, самусьским и кротовским древностям. Следовательно, подобно отражающим ритуалы различных культур подвескам в виде медвежьих фигурок, культ головы медведя, связанный с металлургическими обрядами, также транскультурен.

Другая категория изображений медведя группы В представлена скульптурками голов на венчиках керамических сосудов (см. рис. 4). В.И. Мошинская разделила подобные зооморфные образы на обращенные: а) мордами внутрь сосуда, б) мордами наружу [1976, с. 26–27]. Традиция создания таких керамических мини-барельефов восходит к раннебронзовому, а возможно, и к энеолитическому времени. Сходные с западно-сибирскими фрагменты сосудов, украшенных медвежьими головами, обнаружены в уральских комплексах [Сериков, 2002, с. 132, рис. 3, 1–3]. Обычай «помещать зверя или часть его на краю сосуда... мог быть связан с широко распространенным представлением о необходимости охранять содержимое сосудов» либо, учитывая различную пищевую «специализацию» сосудов, «изображения на них могли указывать, для чего тот или иной сосуд предназначался» [Мошинская, 1976, с. 29, 32]. Но на игрековской и самусьской керамике морды животных обращены не наружу, как на уральских изображениях, а внутрь сосуда (см. рис. 4). Возможно, цель такого расположения медвежьих скульптурок – «кормление» души убитого и/или почитаемого зверя. Само же обособление головы изображаемого животного объясняется ее особым статусом. Согласно этнографическим данным, многие сибирские аборигены особо относились к голове умерщвленного медведя. Вероятно, аналогичные представления способствовали появлению парциальных скульптурок группы Г (см. рис. 5), которые также соответствуют упомянутому мировоззренческому контексту.

Заключение

1. Открытие самусьского погребения в Ачинско-Мариинской лесостепи позволило «отодвинуть» рубеж ареала одноименной культуры на восток приблизительно на 200–300 км. Ранее считалось, что самые восточные надежно идентифицированные собственно

самусьские памятники локализованы в Кузнецкой котловине на левом и правом берегах р. Томи в ее среднем и нижнем течении [Бобров, 1992, с. 11]. В Нижнем Притомье сосредоточены петроглифические местонахождения, один из древнейших комплексов которых представлен рисунками самусьской изобразительной традиции. Но к утинкинскому захоронению ближе расположены не нижнетомские писаницы на западе, а петроглифы Каратага на востоке [Семенов и др., 2000, с. 37–54, табл. 21–33]. Последние обнаружены на скалах Большого озера в Шарыповском р-не Красноярского края, которые находятся приблизительно в 60–70 км от Утинки. Здесь зафиксированы изображения, стилистически и/или содержательно близкие некоторым нижнетомским петроглифам самусьского времени. Поэтому можно предположить, что в районе обнаружения утинкинского погребения имеются местонахождения наскальных изображений самусьского времени, например, в пределах восточных склонов Кузнецкого Алатау. Проверить это можно лишь в ходе полевых изысканий, которые ранее здесь не проводились.

2. Кротовские, самусьские и окуневские изображения медведя близки по времени, но они не связаны общим иконографическим каноном. Однако единой транскультурной чертой данных изображений является их приспособленность для подвешивания. Эта особенность характеризует эпохальный прием обращения с медвежьими миниатюрами. Необходимость подвешивания фигурок медведей обуславливалась их «включенностью» в более сложные композиции-мизансцены. В этом принципиальное сходство кротовских, самусьских и окуневских медвежьих подвесок и в этом же их кардинальное отличие от внешне напоминающих такие изделия моносюжетных статуэток эпохи энеолита и поздней бронзы.

3. Предположение о ритуально-обрядовой связи медвежьих образов с бронзолитейным делом нуждается в дополнительных подтверждениях. «Медвежьи лялячки» из Усть-Куюма и Самуся IV, а также череп медведя со следами бронзового окисла из Преображенки III интересны, но недостаточны для однозначного вывода об их предназначении. Поэтому проблема роли и места образа медведя в ритуалах западно-сибирских бронзолитейщиков остается открытой.

Список литературы

- Баухник И.И. Археологические находки с горы Арчекас // Изв. Лаборатории археол. исследований. – Кемерово, 1970. – Вып. 2. – С. 49–53.
- Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 18–31. – (Материалы по истории Сибири; вып. 4).

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 41 с.

Бобров В.В. Погребение эпохи ранней бронзы в Мариинской лесостепи // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово: Радуга, 2003. – С. 82–97.

Бобров В.В., Герман П.В. Погребение сейминско-турбинского времени в Ачинско-Мариинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 178–183.

Есин Ю.Н. Искусство самусьской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 22 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Кириллова Ю.В. К вопросу о назначении изображений медведя (эпоха неолита – бронзы) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2006. – Т. 1. – С. 124–127.

Кириллова Ю.В. Скульптурные изображения медведя эпохи неолита – бронзы (прагматический аспект) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 25–27.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 295 с.

Кожин П.М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. – М.: Наука, 1987. – С. 80–107.

Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 76–90.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Красниенко С.В., Субботин А.В. Окуневские памятники на территории Назаровской котловины // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 235–241.

Кулемзин В.М. Культ медведя и шаманизм у обских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 72–77.

Люцидарская А.А. Медвежий песни как феномен культуры сибирских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 78–83.

Майничева А.Ю. Образ медведя в русском прикладном искусстве // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 90–99.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Ч. 2: Самусьская культура. – 210 с. – (Из истории Сибири; вып. 10).

Матюшенко В.И. Самусьские материалы в составе еловского археологического комплекса // Северная Евразия

в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 103–106.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 363 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). – Новосибирск: Наука, 1992. – 191 с.

Молодин В.И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 82–86.

Молодин В.И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 273–282.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 23–36.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 132 с.

Савинов Д.Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 111–117.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 112 с.

Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2000. – 66 с.

Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. – 2002. – Вып. 24. – С. 127–150.

Студзицкая С.В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 318–326. – (Археология СССР).

Титова М.В., Сумин В.А. Открытие могильника самусьской культуры в крохалевском археологическом микрорайоне // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. – Вып. 4. – С. 77–83.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н. Самусьские бронзовые фигурки с поселения Крохалевка-13 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 91–93.

Туров М.Г. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 48–59.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.; ил.

Материал поступил в редколлегию 18.03.08 г.